

ТАМОЖЕННАЯ СИСТЕМА КАК ПУБЛИЧНЫЙ ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Останин В.А., д.э.н., профессор, Владивостокский филиал Российской таможенной академии, (e-mail: ostaninva@yandex.ru)

Рожков Ю.В., д.э.н., профессор, Хабаровский государственный университет экономики и права, (e-mail: zdnrf@mail.ru)

Аннотация: Предмет статьи – рассмотрение таможенной системы РФ как публичного органа государственного управления. Федеральная таможенная система исследована в рамках институциональной теории. Доказано, что институт таможенного дела имеет неэффективную форму государственного управления. Отмечено, что Федеральная таможенная система сохраняет состояние неэффективного равновесия в течение продолжительного времени, нанося урон экономике страны. Сделан вывод о необходимости перехода на дискреционную модель управления таможенной системой на основе формирования сервисной таможни.

Ключевые слова: государственное управление, институционализм, таможенная система, сервисная таможня, дискреционное управление.

Abstract: The subject of the article is to review the customs system of the Russian Federation as a public authority of the state administration. Federal customs system has been investigated in the framework of the institutional theory. It has been proved that the institution of customs has an ineffective form of government. It has been underlined that the Federal Customs system saves the state of inefficient equilibrium for a long time, damaging the country's economy. We concluded about the need to use a discretionary model to manage customs system based on the formation of the customs service.

Keywords: public administration, institutionalism, customs system, customs service, discretionary management.

ВВЕДЕНИЕ.

Применительно к гегелевским подходам государство с адекватными ему органами управления является неким организмом, функционирующим как целое. Поэтому у него нет частей, обладающих относительно обособленными интересами. Такой подход позволяет сделать вывод, что любой абстрактный анализ независимых экономических образований всегда обнаруживает свою теоретическую недостаточность. Ведь исследователю в этом случае приходится иметь дело не тотальностью, не с целым, а набором элементов, которые могут быть лишь у неживых, окостенелых, статичных образований, «у трупа» – по Гегелю. Но государство следует рассматривать как живое образование, органы которого органически едины в своей функциональности. Именно в этом состоит бытие органов, находящее своё логическое и онтологическое объяснение лишь сквозь призму показа их функций.

Такой подход применён в настоящей статье к Федеральной таможенной системе России как публичному органу государственного управления.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.

С методологических позиций надёжность, устойчивость функционирования государства-организма определяется качеством осуществления каждым органом его специфических функций, обеспечивающих витальность целого, которому они принадлежат.

Подобный вывод может дать исследователю научный инструментарий в виде институционального подхода. Именно институционализм даёт возможность переноса внимания исследователя на функциональный анализ. Не следует, однако, впадать при этом в теоретическую крайность, считая методологию институционализма исключительной истиной в последней инстанции. Мы согласны с выводом О. Иншакова и Д. Фролова, что «... Один лишь институционализм никоим образом не может стать методологической панацеей для России и для любой страны. Он должен органично «влиться» в состав эволюционной теории наряду с другими подходами, системно описывая трансформационные и трансакционные факторы» [8, с. 42–43].

Напомним предупреждение Г. Б. Клейнера о возможностях институционального подхода к проблемам регулирования социально-экономических образований. Он говорил, что эти возможности установления и регулирования отношений, хотя и являются всепроникающими, однако они не носят всеобъемлющего характера. «Кроме институтов в социальном мире действуют интересы, ожидания, намерения, культурные артефакты и т.д.» [11, с. 111].

Институциональная теория обращает фокус своего внимания на понимание процесса эволюции института государства, рассматривая ту роль, которую играет этот институт в экономической жизни людей. Вспомним, ка-

кое внимание уделял основоположник теории институционализма Т. Веблен, определяя сам предмет институционализма как теорию культурного роста процесса, предопределённого экономическими интересами, а также теорией кумулятивной последовательности экономических институтов, сформулированных в терминах процесса.

Современная теория институционального подхода, несмотря на длительный период её существования (понятие «институционализм» ввёл в научный оборот У. Гамильтон ещё в 1916 г.), до сих пор не «отшлифовала» свои ключевые понятия. Они всё ещё обладают качеством размытости, неопределённости и со стороны концепта, и со стороны денотата, что по Кейнсу можно с полной уверенностью охарактеризовать как «терминологическое столпотворение» [10].

Следует согласиться с О. В. Иншаковым в том, что используемые определения сущности понятия «социальный институт» имеют многозначность в мере, способной вводить в заблуждение. Такие дефиниции как «институт» и «институция» применяются не только как синонимы, но и противопоставляются. «Каждый – говорит О.В. Иншаков – использует их с тем большей лёгкостью, чем меньше знает, что именно они обозначают» [7, с. 42]. Аналогичное мнение высказывал А. А. Давыдов: «Проанализированные определения имеют разный уровень обобщения, относятся к различным аспектам общества, в различных определениях один и тот же смысл передаётся с помощью различных терминов, наблюдается «отрыв» определения от эмпирических исследований и практических приложений» [4, с. 68].

В исследованиях российских учёных отмечено, что взаимодействие форм функциональной и элементной структур общества, или институции и организации, формирует новое социальное образование – институт с его органами поддержания витальности и самовоспроизводства. Как видим, не просто организация становится институтом, а организация институцированная, которая пронизана характерными для неё специфическими функциональными отношениями. Другими словами, институт есть функциональная организация. Он может реализовывать и иные функции, но характер института придаёт ему именно существенная функция, которая носит доминантный характер.

В рамках данной статьи мы рассматриваем и классифицируем таможенную систему как функциональную организацию. Функция таможенного контроля – главная функция

этой организации, которая действует в виде таможен, таможенных постов, региональных таможенных управлений и центрального аппарата Федеральной таможенной службы (далее ФТС). Представляя эту систему во взаимосвязи с выполняемыми её структурами функциями таможенного контроля, можно относить её и к органу таможенного контроля, и одновременно к институту таможенного контроля. Здесь орган предстаёт в виде структурированной институции, обеспечивающей функционирование и развитие организации, в которой имеются одновременно: а) прогресс адаптации имеющихся органов к новым функциям; б) их отмирание; в) их развитие исходя из потребностей внешнего и внутреннего институционального окружения. Внутреннее и внешнее окружение Федеральной таможенной службы формирует институциональное пространство, где генерируются стимулы к развитию либо к отмиранию этого института.

Повышению эффективности институциональных преобразований должен предшествовать процесс раскрытия эндогенных (внутренних) факторов. Именно они – источник изменения институций, институтов и самой институциональной среды общества. Этот подход впервые предложил Д. Норт, который предположил, что формируемые группы интересов внутри системы способны менять ограничивающие их правила. Кроме того он подчеркнул роль идеологии, объединяющей индивидуумов [13]. Исходя из этого, один лишь только анализ рынков становится недостаточным условием для объяснения процессов изменения самих институтов. То есть ответ на вопрос о причинах эволюции институтов надо искать уже не только в экономике, не только в теории и практике менеджмента.

Проблема действенности государственного публичного управления всегда сводилась в России (ранее в СССР) к сохранению неизменности существующих институций и самих институтов, оставлению «правил игры» экономических агентов на старом уровне. В результате экономические агенты не были заинтересованы в реформировании институциональной среды, возникало состояние институционального равновесия. Это состояние равновесия следует считать неэффективным, институциональной ловушкой, то есть неэффективным институтом.

Говоря о реформировании действующего института таможенного дела в РФ, это состояние можно проиллюстрировать следующим образом. Участники внешнеэкономической деятельности – экономические агенты – и

служащие ФТС точки равновесия в институциональной среде находили, используя постоянно воспроизводимую конфликтно-компромиссную модель поведения. В процессе срабатывания инструментария приспособлений, адаптации всех указанных акторов рынка к каждому отдельно, между ними формировались соответствующие институции. Последние являлись, в конечном итоге, формой смягчения системных противоречий, когда несогласованность интересов субъектов разрешалась компромиссом в пользу как участника внешнеэкономической сделки, так и работника ФТС, обеспечивающего выполнение таможенной операции.

Такой способ формирования институциональной среды становился основой появления коррупции в таможенной системе. В 2015 г. по данным ФТС возбуждено 403 уголовных дела, из них по преступлениям коррупционной направленности – 195 уголовных дел (28,3%) [14]. Такое положение дел можно считать признаком неэффективности института таможенного дела и форм государственного управления как самим таможенным органом, так и таможенным регламентом, закреплённым руководящими документами ФТС. Примечательно, что этот и иные институты могут сохранять состояние неэффективного равновесия в течение очень продолжительного времени,

нанося урон экономике страны.

Анализ теории и практики функционирования системы ФТС демонстрирует двойственную природу органов таможенного контроля. Системе ФТС, как и любой иной государственной структуре, государство не даёт и никогда не даст распоряжаться безграничными ресурсами. Её расходы строго регламентированы, а главным распорядителем и получателем средств федерального бюджета, планируемых на содержание системы и реализацию возложенных на неё функций, является Главное финансово-экономическое управление ФТС России.

Механизм экономии ресурсов, что вполне естественно, заставляет институты, включая само государство, вести себя по известной в теории модели «хищника» [3]. Применительно к системе ФТС государство предпочитает создать для него модель поведения, вынуждающее таможенные органы думать о наполнении государственного бюджета, вместо увеличения затрат на реализацию трансакций с целью реформирования институции и соответственно института. Действительно, нефтегазовые доходы составляют в удельном весе доходах государственного бюджета существенную величину (47 процентов за 2015 год). Структура этих доходов показана на рисунке 1.

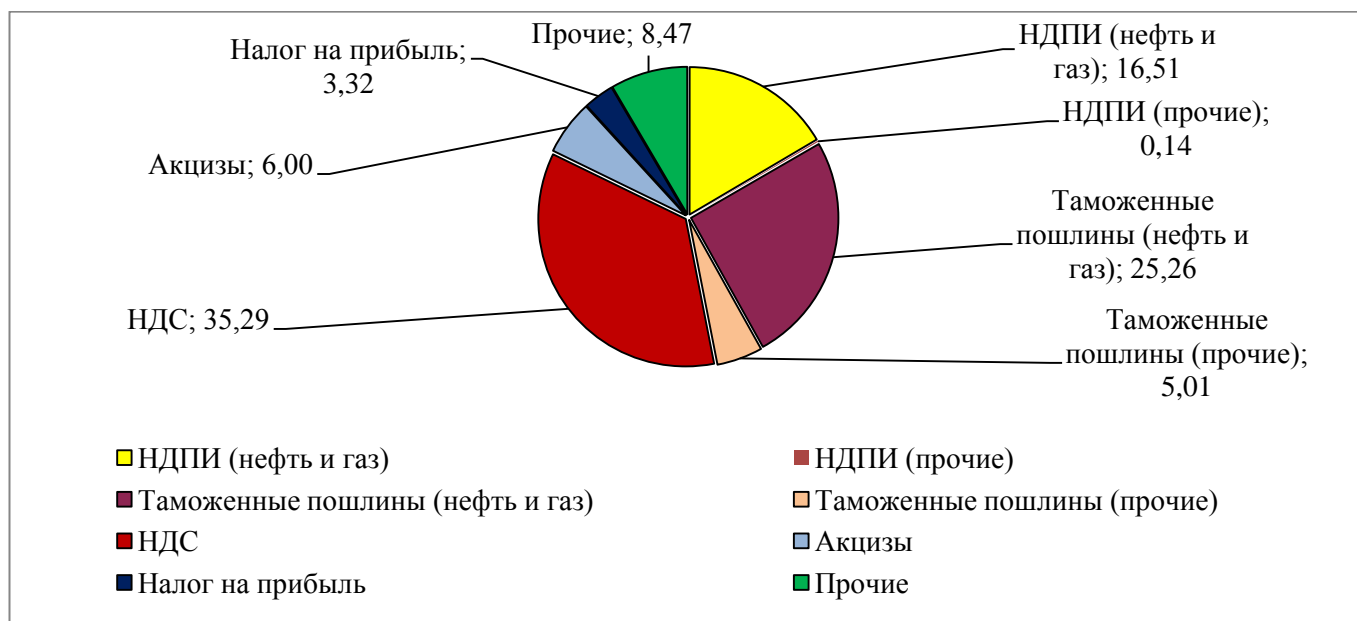

Рисунок 1. Структура доходов федерального бюджета России за 2015 год, процент

Что же получается в результате? Рост финансовых потребностей правительства предполагает продолжение использования прежней системы государственного регулирования публичными институтами, которая препятствует экономическому росту, не способствуя повышению эффективности экономики. В ре-

зультате, говоря о ФТС, продолжает оставаться ситуация отсутствия гарантии формирования и внедрения более эффективного института, а сама система функционирует в рамках прежнего её состояния неэффективного институционального равновесия.

Нельзя сбрасывать со счетов специфиче-

ские интересы участников внешнеэкономической деятельности. Их естественная асимметрия лишь способствует закреплению статуса института таможенного органа как неэффективного.

Российское государство изначально, во многом вынужденно выбрало неверное целеполагание – закрепило за органами таможенного контроля фискальную функцию. Именно поэтому сформировалось устойчивое и длительное время существующее неэффективное равновесие таможенного института. Налицо парадокс: необходимость формирования института, действующего на новых принципах, требует больших затрат, а их недостаточно. Поэтому в условиях редкости ресурсов находится оправдание суще-

ствованию архаичного неэффективного таможенного института с его несоответствующей природе органа институцией. А это – классическая институциональная ловушка таможенного органа.

Отмеченная нами архаичность института ФТС не могла не сказаться на его международных позициях.

Если судить по Logistic Performance Index (Индексу эффективности логистики) Всемирного банка, учитывающего, в том числе, показатель эффективности таможенного и пограничного оформления по 5-ти бальной шкале, то Россия в 2012 г. занимала 95-е место из 155 стран, в 2014 г. – 90-е место из 160 стран (таблица 1).

Таблица 1. Выборка отдельных стран по Logistic Performance Index [16]

Страна	Год	
	2012	2014
Германия	4,03	4,12
Нидерланды	4,02	4,05
Бельгия	3,98	4,04
Сингапур	4,13	4,00
Швеция	3,85	3,96
США	3,93	3,92
Испания	3,70	3,72
Португалия	3,50	3,56
Украина	2,86	2,98
Вьетнам	3,00	3,15
Уругвай	2,98	2,68
Российская Федерация	2,58	2,69
Зимбабве	2,55	2,34
Узбекистан	2,46	2,39
Афганистан	2,30	2,07

Всемирный банк проводит также исследование, выделяя показатель «Ведение бизнеса» (Doing Business). Сюда в числе 10 индикаторов входит индикатор «Международная торговля» (Trading Across Borders). На начало 2016 года по индикатору «Международная торговля» Россия заняла 170-е место из 189 стран [15].

Действующая сегодня модель управления системой российских таможенных органов выстраивалась на основе правил, сформированных в начале 90-х годов XX-го века. Она складывалась под сильным политическим, интеллектуальным и психологическим воздействием принципов посткоммунистической политики управления народным хозяйством. В качестве целевых ориентиров такой экономической политики были выбраны ряд наиболее актуальных задач.

1. Рост значимости государства и его органов управления с целью обеспечения необходимой стабильности в развитии эконо-

мики страны.

2. Достижение политической и социально-экономической стабильности, которое могло бы в полной мере соответствовать необходимым условиям для дальнейшего продвижения общества к процветанию.

3. Формирование финансовой сбалансированности на фоне роста расходов государственного и иных бюджетов.

4. Увеличение налоговой базы, рост уровня собираемости налогов, что давало бы государству успешно выполнять свои основные функции и сформировать материальную базу для макроэкономической и социальной стабильности. Выполнение этой задачи упрощалось до определённой поры удачными для России ценами на энергоносители.

5. Государство было главным источником спроса в экономике. Этот спрос формировался и со стороны как бедных, так и средних по доходам слоёв населения. Это пенсионеры, военнослужащие, работники бюджетной

сферы и служащие государственных организаций и предприятий, которые финансировались из бюджетов всех уровней.

6. Процесс административного реформирования сводился к постоянному уточнению круга функций государственных органов управления, что реализовывалось на базе давно известных, традиционных механизмов и правил воздействия на социально-экономическую сферу страны.

7. Использовалось правило, ограничивающее объёмы государственных инвестиций в инфраструктуру, с учётом того, что в области инфраструктурных инвестиций наблюдался наивысший уровень коррупционной составляющей [9]. Инвестирование реализовывалось по общему правилу: масштабные инвестиции направлялись в основном в социальную сферу.

8. В ходу был процесс оказания финансово-экономической помощи крупным, неэффективным предприятиям, чтобы преодолеть социальную дестабилизацию. При этом устанавливался запрет на высвобождение работников, занятых на неэффективных производствах, с применением инструментария поли-

тико-административного понуждения руководителей предприятий к подобной практике.

9. Принимались все меры, чтобы частные предприниматели получили доступ к международному рынку капитала. Однако сохранялась высокая цена заимствований на внутреннем финансовом рынке при низкой стоимости привлечения на зарубежных ссудных рынках. Применялось правило сдерживания процесса укрепления валютного курса при высокой инфляции и высоких внутринациональных процентных ставках. Считалось, что это правило в полной мере поддерживает развитие отечественного предпринимательства.

До определённого момента политика следования правилам давала положительные результаты. Однако проявились и неизбежные негативные моменты. Мы отметим лишь важнейшие из них.

1. Резко обострились проблемы бюджета, коснувшиеся всех уровней российской бюджетной системы. Росли выплаты по возросшим бюджетным обязательствам при одновременном падении цен на нефть, нефтепродукты и газ что привело к напряжению доходной части бюджета (рисунок 2).

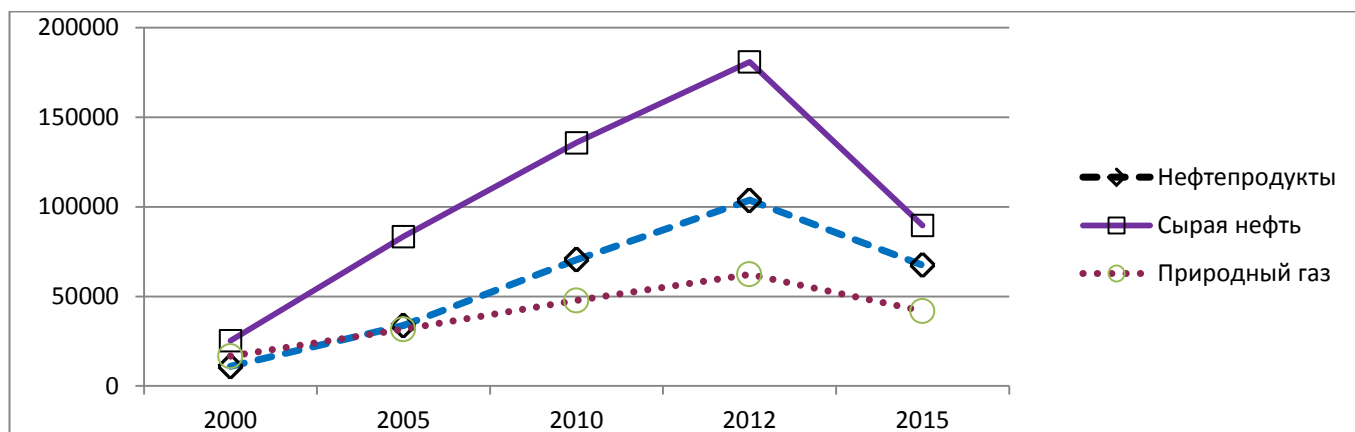

Рисунок 2. Экспорт Российской Федерации энергетических товаров, млн долларов США [1]

Данные рисунка 2 демонстрируют резкое падение стоимости экспорта энергетических товаров. При этом экспорт сырой нефти увеличился с 2000 года по 2015 год на 100,1 млн тонн, нефтепродуктов – на 109,1 млн т, а по природному газу незначительно снизился – на 8,4 млрд куб. м.

Именно поэтому в значительной степени увеличилась уязвимость экономики РФ от шоков, возникающих на мировых финансовых рынках, где резко ухудшилась их прогнозируемость. Ситуация также обострилась и под воздействием операций спекулянтов на глобальных рынках.

Отметим и нерациональность использования Стабилизационного фонда России, который 01 февраля 2008 года постановлением

Минфина РФ был разделён на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния.

Резервный фонд должен играть роль подушки безопасности на случай наступления очередного кризиса, препятствовать росту денежной массы связывая, стерилизуя её. Однако использование этого фонда по существу нивелировало позитивную роль кризиса. Обеспечение стабильности страны снимало остроту проблем модернизации экономики, давало возможность гасить социальную напряжённость вливаниями резервных ресурсов в социальную сферу. Тормозилась реструктуризация тех неэффективных предприятий, которые фактически были банкротами. Наиболее остро это выразилось в закрепившихся правилах спасения банковской

сферы через накачивание его ликвидностью. И это при том, что некоторые банки проводили откровенно авантюрную, а иногда граничащую с криминальной, кредитную политику.

Это привело к отрицательной динамике изменения объёма средств Резервного фонда РФ:

- 02.2008 г. – 3,057 трлн руб.
- 02.2009 г. – 4,863 трлн руб.
- 02.2010 г. – 1,823 трлн руб.
- 02.2016 г. – 1,667 трлн руб.

2. Как результат реализации правил, выработанных в сфере денежно-кредитной политики, происходило сдерживание процесса укрепления номинального курса рубля, что приводило к росту инфляции. Естественно, потенциал мегарегулятора (Банка России) в реализации возможностей денежно-кредитной политики значительно снизился. Рост уровня инфляции приводил к тому, что никакого положительного эффекта от защиты национального производителя не было. Масштабы заимствований относительно дешёвых валютных ресурсов на зарубежных финансовых рынках уже не смогли компенсировать потери от такой политики. Тем более что ставка рефинансирования (с 01.01.2016 года – ключевая ставка) Центрального банка РФ, размер которой находится в зависимости от денежно-кредитного правила/лозунга «надо бороться с инфляционными рисками», была и остаётся чрезмерно большой. Сохранённая 18 марта 2016 г. Банком России ключевая ставка в размере 11 процентов, задаёт слишком высокую планку установления коммерческими банками рыночных процентных ставок по ссудам.

Мы придерживаемся мнения тех экономистов, которые считают необходимым смены правил реализации денежно-кредитной политики по обеспечению доступности кредитных ресурсов на внутреннем денежном рынке, что будет способствовать росту инвестиционной активности в экономике.

3. Третье следствие использования экономической политики в концепции правил – системная демографическая проблема. Хотя в России наблюдается некоторый рост рождаемости, однако уровень естественной убыли трудоспособного населения пока высок, что может значительно затормозить экономический рост. Демографическую проблему нельзя разрешить за счёт внешней миграции, поскольку миграционный поток из стран ближнего зарубежья формирует спрос как на низкое качество политических институтов, так и на качество институтов развития человеческого потенциала (наука, здравоохранение, образование и пр.). Поэтому экономика России в

рамках прежних теоретических моделей управления – политики правил разумного подхода – не может решить проблему улучшения качества институтов. Ситуация ухудшается тем, что многие квалифицированные специалисты, которые не удовлетворены качеством российских институтов, покидают страну.

4. Низкое качество предпринимательского климата стало серьёзным вызовом на пути экономического развития. Это имеет прямое отношение к внешнеэкономической деятельности. Высшее российское руководство начинает это осознавать. Министр финансов РФ А. Силуанов на коллегии Федеральной таможенной службы в марте 2016 г. заявил: «Нам надо поддержать наших предпринимателей, которые находятся в сложной ситуации и снизить давление на бизнес» [6].

Длительное функционирование института управления таможенным делом, построенного на принципах разумности правил, предполагает определённую консервацию возможностей системы. Правилами описаны и предписаны рамки действий, их характеризует постоянство, консерватизм, невозможность принципиально выходить за установленные правила, реализуемые в таможенных регламентах и предписаниях. Любой выход за их пределы является нарушением таможенных установлений, что приводит к возникновению конфликтов как внутри таможенной системы, так и между таможей и участниками ВЭД.

Несомненно, что система таможенного контроля, построенная на принципах разумности правил, имеет многие положительные качества. Но всё же она обладает внутренней противоречивостью, значительно снижающей управленческий уровень Федеральной таможенной системы.

Назрела необходимость перехода органов ФТС к дискреционным методам управления, к дискреционной таможенной политике. Последняя (*discretionary policy*) заключается в осуществлении исполнительной государственной властью и её таможенными органами управления внешнеэкономической деятельностью такими формами таможенного менеджмента, которые не вписываются в традиционные, ранее установленные нормы, правила или институты (*rules based policy*). Институт таможенного органа в зависимости от складывающейся ситуации на мировых и национальных рынках проявляет гибкость в осуществлении своей политики, максимально учитывая требования динамично развивающейся среды. При этом лицо, реализующее таможенные решения, становится не только должностным лицом ФТС, но и лицом ответ-

ственным, то есть тем, который принимает на себя ответственность за принятие нестандартных решений в изменившихся внешнеэкономических и внутристрановых условиях.

Надо подчеркнуть, что в экономической литературе проблема перехода таможенных органов на дискреционные методы управления за исключением отдельных публикаций [12] практически не рассматривается. Между тем есть масштабные исследования, проведенные с участием авторов настоящей статьи, демонстрирующие необходимость использования дискреционной политики таким государственным органом управления, как Центральный банк РФ, прошедший практически аналогичный ФТС путь развития [2; 5]. Этот опыт можно использовать при обсужде-

нии вопросов реформирования таможенных органов.

ВЫВОДЫ.

Перевод таможенной системы на дискреционные методы управления может потребовать длительного периода времени и серьезных дискуссий учёных и практиков. Несомненно, что одним из доминантных условий такого перевода должен послужить переход таможенных органов на функционирование с применением сервисных принципов. Органы ФТС должны действовать в качестве сервисных таможен. Лишь после такого перехода, доведения деятельности сервисных таможен до совершенства таможенные органы получат достаточный интеллектуальный потенциал для проведения дискреционной политики.

Библиографический список

1. Банк России: [сайт]. URL: www.cbr.ru.
2. Вертейко К. В. Банк России: информационно-исследовательская функция и дискреционная денежно-кредитная политика : монография / К. В. Вертейко, Л. П. Дроздовская, В. А. Останин, Ю. В. Рожков. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2013. 204 с.
3. Гульбина Н. И. Теория институциональных изменений Д. Норта // Вестник Томского государственного университета. 2004. Выпуск 283. С. 123–128.
4. Давыдов А. А. Системная социология. М.: КомКнига, 2006. 192 с.
5. Дроздовская Л. П. Аутсорсинг как форма сервисизации банковской системы России: монография / Л. П. Дроздовская, И. В. Коваленин, В. А. Останин, Ю. В. Рожков. Хабаровск: РИЦ ХГУЭП, 2015. 214 с.
6. Зыкова Т. Досмотреть в оба. URL: <http://rg.ru/2016/03/25/minfin-potreboval-ot-tamozhni-snizit-davlenie-na-biznes.html>.
7. Иншаков О. В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 42–51.
8. Иншаков О. Место институционализма в экономической науке / О. Иншаков, Д. Фролов // Экономист. № 10. 2005. С. 39–44.
9. Карпенко Т. Г. Теневые инвестиции: сущность, оценка масштабов / Т. Г. Карпенко, В. А. Останин, Ю. В. Рожков. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2006. 196 с.
10. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М. : Изд-во «Гелиос АРВ», 1999. 352 с.
11. Клейнер Г. Б. Агенты и институты: к проблеме институционального выбора. Монография: Homo institutus – Человек институциональный / Под ред. О. В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 854 с.
12. Косенко В. А. О развитии таможенной политики России // Сибирская финансовая школа. 2014. № 6. 0,54 п.л. С. 44–47.
13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
14. Федеральная таможенная служба России: [сайт]. URL: <http://www.customs>.
15. Doing Business. URL: <http://www.doingbusiness.org/data/exploreeco-nomies/russia>.
16. The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/LP.LPI.OVRL.XQ>.

References

1. Bank Rossii: [sajt]. URL: www.cbr.ru.
2. Vertejko K. V. Bank Rossii: informacionno-issledovatel'skaja funkcija i diskrecionnaja denezhno-kreditnaja politika : monografija / K. V. Vertejko, L. P. Drozdovskaja, V. A. Ostanin, Ju. V. Rozhkov. Habarovsk: RIC HGAJeP, 2013. 204 s.
3. Gul'bina N. I. Teorija institucional'nyh izmenenij D. Norta // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. Vypusk 283. S. 123–128.
4. Davydov A. A. Sistemnaja sociologija. M.: KomKniga, 2006. 192 s.
5. Drozdovskaja L. P. Outsorsing kak forma servisizacii bankovskoj sistemy Rossii: monografija / L. P. Drozdovskaja, I. V. Kovalenin, V. A. Ostanin, Ju. V. Rozhkov. Habarovsk: RIC HGUJeP, 2015. 214 s.
6. Zykova T. Dosmotret' v oba. URL: <http://rg.ru/2016/03/25/minfin-potreboval-ot-tamozhni-snizit-davlenie-na-biznes.html>.
7. Inshakov O. V. Jekonomicheskie instituty i institucii: k voprosu o tipologii i klassifikacii // Sociologicheskie issledovanija. 2003. № 9. S. 42–51.
8. Inshakov O. Mesto institucionalizma v jekonomicheskoj nauke / O. Inshakov, D. Frolov // Jekonomist. № 10. 2005. S. 39–44.
9. Karpenko T. G. Tenevyje investicii: sushhnost', ocenka masshtabov / T. G. Karpenko, V. A. Ostanin, Ju. V. Rozhkov. Habarovsk: RIC HGAJeP, 2006. 196 s.
10. Kejn's Dzh. M. Obshhnaja teorija zanjatosti, procenta i deneg. M. : Izd-vo «Gelios ARV», 1999. 352 s.
11. Klejner G. B. Agenty i instituty: k probleme institucional'nogo vybora. Monografija: Homo institutus – Chelovek institucional'nyj / Pod red. O. V. Inshakova. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2005. 854 s.
12. Kosenko V. A. O razvitii tamozhennoj politiki Rossii // Sibirskaja finansovaja shkola. 2014. № 6. S. 44–47.
13. Nort D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki. M.: Fond jekonomicheskoj knigi «Nachala», 1997. 180 s.
14. Federal'naja tamozhennaja sluzhba Rossii: [sajt]. URL: <http://www.customs>.
15. Doing Business. URL: <http://www.doingbusiness.org/data/exploreeco-nomies/russia>.
16. The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/LP.LPI.OVRL.XQ>.